

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-290-300

БУДДИЗМ КАК РЕСУРС «МЯГКОЙ СИЛЫ» КИТАЯ

Т.И. Понька, А.Э. Джанаева, Цзелинь Чжао

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

На данный момент в теории международных отношений определенный интерес вызывает концепт «мягкой силы», введенный американским политологом Джозефом Наем-мл. Особое значение придает «мягкой силе» Китай, обладающий в настоящее время не только обширными экономическими и политическими ресурсами, но и источниками несилового влияния. В статье авторы исследуют такое понятие, как «буддийская дипломатия» и ее роль во внешнеполитической деятельности КНР. Также было рассмотрено историческое становление буддизма и его развитие в качестве ресурса «мягкой силы» как одной из государственных китайских религий, входящей в синкретический комплекс, наряду с конфуцианством и даосизмом, в разные периоды китайской цивилизации, начиная с доимперского периода и заканчивая современными реалиями. Были изучены взгляды отечественных и зарубежных специалистов о направлениях и сферах действия дипломатии буддизма и особенности ее проведения в жизнь китайским правительством. Исследование строилось на использовании исторического подхода и общенаучных методов, таких как анализ, синтез, дедукция и т.д. [Методические... 2015].

В статье авторами выявлены современное положение религии на примере буддизма во внешнеполитической стратегии Китая как на мировой арене, так и на региональном уровне и основные аспекты, в рамках которых развивается китайская буддийская дипломатия.

Ключевые слова: буддизм, Китай, внешняя политика Китая, буддийская дипломатия

В 1990 г. американский ученый Джозеф Най-мл. публикует свою первую статью «Soft power», посвященную такому теоретическому концепту, как «мягкая сила». Спустя годы данный концепт из теории превратился в реальную стратегию внешней политики многих государств, которые в погоне за укреплением своих позиций на мировой арене стремительно стали осваивать и реализовать свой «мягкий» потенциал. Джозеф Най-мл. говорил о трех возможных источниках «мягкой силы»: внешняя политика, культура и распространяемые государством ценности [Nye 2004: 11]. В настоящее время количество и вариации источников несилового потенциала только увеличиваются, но важное место среди них занимает религия, являющаяся одним из наиболее действенных инструментов «мягкой силы» во внешней политике государств ввиду таких факторов, как долгосрочность, незаметность влияния и ценностно-идейная ориентация. Касается это, прежде всего, таких традиционных религий, как христианство, ислам, буддизм и иудаизм. Особое внимание, по мнению авторов, следует уделить именно буддизму, что связано в первую очередь с тем, что данная религия руководствуется принципами ненасилия и согласия, мира и гармонии, которые составляют сущность буддизма и выступают в качестве залога несилового воздействия, чем и характеризуется «мягкая сила». На подобный потенциал буддизма в качестве долговременного и миролюбивого инструмента внешней политики уже давно обратило внимание

китайское правительство, стремительно его осваивающее и адаптирующее под собственные государственные интересы. В рамках внешней политики Китая на данный момент активно используется такой инструмент, как «буддийская дипломатия» или дипломатия, основанная на использовании буддизма, его основных идей и предметов культуры, имеющих религиозную ценность для верующих.

ЧТО ТАКОЕ БУДДИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Среди китайских исследователей данного вопроса четко определенной дефиниции не сформировалось. Как правило, буддийская дипломатия считается одним из видов публичной дипломатии. Глава редакции журналов Всемирного института религиоведения Академии общественных наук Китая (Chinese Academy of Social Sciences) профессор Хуан Сянянь считает: «У буддизма есть много функций, таких как стабилизация общества и налаживание взаимоотношений с другими странами. Среди прочего мы не сможем игнорировать такую функцию буддизма, как установление связей с другими странами посредством культурного обмена. Если говорить современной терминологией, у буддизма существует функция — способствование общению с другими странами, а главной формой такой функции является народная дипломатия»¹.

В свою очередь, руководитель Буддийской ассоциации Китая мастер Ши Сюэчэн говорит о том, что «история распространения религии сама по себе является путем международного общения и дипломатии. Известны случаи, когда международное взаимодействие буддистов сильно влияло на отношения между государствами и становилось примером для налаживания отношений между народами. В процессе сегодняшней интернационализации мы более активно сотрудничаем с другими странами, организовываются разные виды деятельности (официальная, народная, коллективная и индивидуальная), и, несмотря на форму, все это является частью нашей дипломатии, только отличаются друг от друга по своей роли. Религия — это хороший канал для ведения публичной дипломатии и народной дипломатии Китая» [Кэ 2014].

Российские исследователи также не сформировали единой точки зрения по поводу данного вида дипломатии. Главный научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией В.С. Кузнецов глубоко исследовал буддийский фактор во внешней политике КНР и пришел к выводу, что Пекином буддийская дипломатия используется прежде всего в отношении ближайших государств-соседей, таких как Япония, Индия, Бирма, Шри-Ланка и т.д., а также в интересах и целях самого государства. «Буддийская дипломатия» выступает в качестве важного звена внешнеполитической деятельности Пекина не только в азиатском регионе, но и в глобальном масштабе. Пекин весьма прагматично варьирует использование буддийского феномена применительно к потребностям текущих внешнеполитических целей. Как отмечает китаист В.С. Кузнецов, «буддийский

¹ Фочзяо ю вайцзяо гуннэн Индэдао чунфэнь лиюнь, Чжунго Цзунцзяо Миньцзуван, 1 августа 2014. Режим доступа: <http://www.mzb.com.cn/html/report/140830061-1.htm> (дата обращения 17.02.2017).

феномен дипломатия КНР использует как духовный фактор в формировании экономического союза Китая, Японии и Южной Кореи» [Кузнецов 2006а: 28].

С аналогичной позицией выступает и исследователь буддизма из Российского университета дружбы народов Б.У. Китинов: «В последние годы буддизм становится не только все более популярной религией в разных уголках мира, но и объектом углубленного внимания со стороны государственных органов стран, на чьей территории это учение имеет распространение. Во внешнеполитической деятельности КНР немаловажной является так называемая буддийская дипломатия — использование потенциала буддизма для реализации политических, экономических и иных интересов государства» [Китинов 2015].

Авторами в качестве дефиниции «буддийской дипломатии» принимается определение, данное В.С. Кузнецовым: «Понятие *народная дипломатия* покрывает собой и буддийскую дипломатию, т.е. дипломатические акции, связанные с буддизмом как общественно-политическим феноменом» [Кузнецов 2006b: 4].

БУДДИЗМ В ИСТОРИИ КИТАЯ: ЗАРОЖДЕНИЕ И ПУТЬ СТАНОВЛЕНИЯ ОДНОЙ ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕЛИГИЙ

Проникновение буддизма в Китай началось еще на заре нашей эры. И хотя не сохранилось никаких официальных письменных источников, в истории упоминается о первом соприкосновении Китая и буддизма в III в. до н.э. [Sen 2014: 14]. Официально буддизм начинает распространяться в Китае в I в. н.э. вместе с купцами, следовавшими по Великому Шелковому пути из Центральной Азии. К середине II в. н.э. буддизм уже прочно занимает свои позиции, о чем свидетельствуют жертвоприношения императора Хуань-ди основателю даосизма Лао-цзы и Будде в 165 г. н.э. [Духовная культура Китая 2007: 261]. Как отмечает специалист-буддолог из Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН д-р филос. наук, профессор Л.Е. Янгутов, буддизм нашел отклики в уже существовавших традиционных учениях китайских философов, особенно таких основополагающих для всей китайской культуры, как учения Конфуция, Лао-цзы, Мэн-цзы и т.д., вследствие чего он претерпел изменения и трансформировался в иной вид буддизма, который предпочтительно называть китайским буддизмом, образующим с конфуцианством и даосизмом сложный взаимосвязанный синкретический комплекс [Янгутов 2016].

Но основной сдвиг в распространении буддизма, как отмечает в своей монографии «Китайская цивилизация» российский Китаист В.В. Малявин, профессор Института изучения Европы Тамканского университета (Тайвань), пришелся на период Южных и Северных династий (420—589 гг.) [Малявин 2000: 250]. Внутренний раскол, набеги кочевников извне, тяжелое экономическое положение и социальная нестабильность обусловили популярность буддизма среди обычного населения, искавшего спасения и укрытия в высоких стенах монастырей. В обеих частях Китая — и Южной и Северной распространились институты монашества, храмы и пещерные комплексы.

Стоит отметить, что, начиная с этого периода, буддизм начинает играть важную роль во внешней политике Китая. На данном этапе это выражалось в многочисленных путешествиях китайских монахов и пилигримов в сакральные города

Южной Азии. Известны исторические примеры, когда для легитимации и укрепления собственной политической силы китайские императоры использовали буддийскую идеологию и сакральные реликвии в виде личных вещей Будды. Например, зарубежный исследователь буддизма из Нью-Йоркского городского университета, Тансэн Сэн приводит свидетельства, что император Ву из династии Лянь не только пропагандировал буддийские доктрины и обычаи вне своего государства, но установил прочные связи с другими буддийскими центрами в Южной Азии. Помимо этого, он посылал послов и делегации в государство Фунан (территория современной Камбоджи) в Юго-Восточную Азию с целью получения буддийских реликвий и продвигал буддийские обмены между правящей династией Лянь и корейскими государствами путем отправки делегаций из буддийских монахов и вручения реликвий корейским правителям. В 527 г. правителем Пэкче был построен храм Дэтонгса, посвященный императору Ву и его вкладу в распространение буддийской доктрины на своей земле [Sen 2014: 15]. Таким образом, можно заметить, как на тот момент буддизм уже влиял на укрепление международных отношений в результате своего широкого распространения в Азии.

Однако, отмечает В.В. Малявин, «золотой век» буддизма оказался началом века его упадка. К середине IX в. эпоха раздробленного Китая заканчивается и на смену периода Южных и Северных династий приходит период централизованной империи. Постепенно, со становлением новой империи, конфуцианство крепло и окончательно заявило о себе во время династии Тан, когда в 845 г. император Уцзун начал проводить политику, направленную против буддийских монахов и послушников. Для буддизма в Китае это был большой удар, восстановиться после которого он больше не смог. Будучи экономически и идейно подорванным, он отходит на второй план, уступая конфуцианству ведущую роль в государстве, и становится одним из двух второстепенных учений, так же, как и даосизм. И хотя позже буддизм восстановился, но такого расцвета, как в свой «золотой век» он больше не достиг [Малявин 2000: 254].

Возрождение буддизма после Синьханьской революции 1911—1912 гг. связано с появлением в народе революционных настроений [Горбунова 2008: 62]. Буддийские общины обновляются, оживают и вновь начинают свою деятельность. Как отмечает специалист по истории буддизма в новейшее время главный научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН С.А. Горбунова, на рубеже XIX и XX вв. у китайских буддистов появляется стремление преодолеть разрозненность, регионализм и религиозную замкнутость, несмотря на нарастающую нестабильность в стране. В связи с этим в 1953 г. образуется Китайская буддийская ассоциация (КБА), целью которой становится не только защита буддизма в Китае, но и объединение верующих в трудные времена [Там же: 120]. Несмотря на строгую подконтрольность государственным органам и политическое давление, КБА развивает свою сеть местных отделений и упорядочивает организацию монастырей и храмов. Руководители ассоциации продолжают поддерживать связи с другими буддистскими организациями из Японии, Кореи и стран Южной Азии. Будучи тесно интегрированной в механизм государственного аппарата и являясь его неотъемлемой частью, КБА активно участвует в межгосударственных отношениях.

Однако трудные времена для буддизма в КНР не заканчиваются. Государством проводится ряд антирелигиозных кампаний с 1958—1959 гг., а затем в 1966 г. начинается «культурная революция», в ходе которой религия попадает под абсолютный запрет. Буддизм был объявлен одной из составляющих «четырёх пережитков» — старой культуры, наряду со старыми идеями, старыми обычаями и старыми привычками. Лишь под влиянием политики, проводимой Дэн Сяопином и его сторонниками, в конце 1970-х гг., отношение власти к буддизму смягчается и становится более щадящим. В конституции 1982 г. впервые за долгое время ставится вопрос о свободе религии. В статье 36 упоминается, что государство готово защищать нормальную религиозную деятельность, но в конституции не уточняется, что подразумевается под данным определением «нормальная»².

Б.У. Китинов в своей публикации «Буддийская культура: от возможностей «мягкой силы» до потенциала Лумбини» говорит о том, что нынешнее отношение китайского правительства к религии сформировалось в 2001 г. после того, как ЦК КПК и Государственным советом была проведена Национальная конференция по религиозной работе [Китинов 2015]. В связи с возрождением буддизма происходит возобновление деятельности Китайской буддийской ассоциации и обновление ее руководящего состава. Организация начинает полноценно заниматься восстановлением разрушенных храмовых комплексов и монастырей, образованием монахов и послушников, вновь начинают оживать и пополняться буддистские общины. Как отмечает Китинов, после 1990-х гг., КБА меняет свои приоритеты и начинает участвовать в международной жизни. Ассоциация поддерживает внешнюю политику государства, но и действует во имя распространения своего учения за пределами Китая. КБА принимает участие в религиозных форумах и международных форумах, таких как Всемирное братство буддистов. Создаются инициативы для обмена опытом с верующими из стран Южной Азии и Дальнего Востока, направляются делегации монахов в Европу и США для ознакомления населения с буддизмом Махаяны [Китинов 2015]. Но при этом деятельность КБА строго ограничивается и контролируется государством, хотя в законодательной области буддийские общины добились значительного прогресса. В ведении государственной администрации находятся не только храмы и монастыри, но и местные организации и общины. КБА становится, как и прежде, одним из главных звеньев в цепи государственных органов КНР. Как заявлял Чжао Пучу, председатель КБА в 1980—2000-е гг., после создания нового Китая высшие лица государства напоминали ему, что важнейшей задачей было и остается поддержание дружественных отношений со всеми буддийскими странами, особенно с Японией.

СОВРЕМЕННАЯ БУДДИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ КИТАЯ

Для создания положительного образа страны в международной жизни, прежде всего среди ближайших стран-соседей, правительство Китая активно использует буддийскую дипломатию. В современной буддийской дипломатии Китая можно

² Конституция КНР, 1982 г.

выделить следующие аспекты. Во-первых, китайским правительством активно осуществляется поддержка и финансирование международных буддийских конференций [Zhang 2012]. Ярким примером является организация Всемирного буддийского форума, который проводится при поддержке Китайской буддийской организации и Ассоциации по религиозному и культурному обмену. Форум собирается раз в 3 года, начиная с 2006 г., когда был проведен самый первый, куда прибыли более 1000 монахов из 37 стран. Цель данных конференций заключается в продвижении положительной роли буддизма в мире, содействии экономическому развитию, процветанию культуры, обмену культурным опытом среди монахов из всех стран мира [Kitinov 2013]. Особый акцент делается на «неоценимый вклад буддизма» в становление гармоничного общества, вследствие чего в лейтмотивах двух самых первых форумов в 2006 и 2009 гг. присутствовало словосочетание «гармоничный мир». Также стоит отметить, что на I Всемирном буддийском форуме был представлен духовный лидер китайского буддизма Панчен-лама, который среди последователей тибетского буддизма считается вторым по рангу среди высших духовных лиц буддизма после Далай-ламы, традиционно данные мероприятия не посещающего.

Для развития связей с буддистами Китая и других стран государство поддерживает организацию и проведение выставок с буддийскими реликвиями и искусством в разных странах. Китай успешно пользовался буддийскими реликвиями в виде личных вещей и останков Будды в прошлом, но классическим случаем буддийской дипломатии считается отправка китайскими дипломатами священного зуба Будды для показа в Мьянму в 1955 г. Это было сделано в целях установления с Мьянмой стабильных и доверительных отношений на почве религиозного сходства. Впоследствии данная «реликвия», и не только она, отправлялась в туры по различным азиатским странам, упрочивая и закрепляя успехи китайской дипломатии. Зуб выставлялся также и по таким случаям, как 75-й день рождения короля Таиланда в 2003 г., позже он несколько раз помогал правительству урегулировать некоторые разногласия с Мьянмой. Также Китай уделяет отдельное внимание буддийскому искусству в области скульптуры, музыки и живописи.

Правительство Китая, несмотря на финансовые расходы, охотно принимает участие в различных международных проектах по линии буддизма, рассматривая это как способ повысить авторитет страны в ареале буддийских стран. Так, Китай присоединился к проекту по возрождению буддийского университета и монастырского комплекса Наланда, существовавшего в V—XII вв. на севере Индии [Sen 2012]. Университет Наланда в свое время являлся мировым средоточием выдающихся ученых и буддийских философов, которые работали, преподавали и обучались в этом месте. Университет Наланда был разрушен в 1193 г. в результате тюркского вторжения в Индию, что и стало одной из причин упадка индийского буддизма на тот период. Проект по возрождению университета Наланда был анонсирован правительством Индии в 2006 г., в этом же году к проекту присоединяется Китай, предварительно урегулировав вопрос о создании библиотеки китайских учений в возрожденном университете [Sen 2012]. На проведение в жизнь дан-

ной инициативы Китаем был выделен 1 млрд долларов США³. В феврале 2007 г. министр иностранных дел Китая Ли Чжаосин посетил открытие мемориала в честь Сюаньцзяня, установленного недалеко от руин университета в Бихаре. В 2014 г. возрожденный университет Наланда начал свою работу с 15 лучшими отобранными студентами со всего мира и 10 преподавателями.

Для поддержания роли буддизма в публичной дипломатии китайское правительство развивает такое направление, как языковая подготовка (английский язык) в Китае не только китайских буддийских монахов, но и монахов из других стран. В 2008 г. при поддержке Государственного управления по делам религий КНР и ряда других государственных организаций были проведены подготовительные курсы для китайских буддийских монахов по английскому языку. В 2010 г. были открыты учебные курсы при совместном участии храма Лю Цзу из провинции Гуандун, университета Цзинань и буддийского университета Лумбини из Непала, в которых проводились семинары на английском языке учеными и старшими монахами из Непала и США специально для китайских буддийских монахов [Хуан 2011].

В последнее время китайские руководители стали практиковать посещение буддийских храмов и священных мест во время своих официальных визитов в другие страны. Данная традиция была положена Дэн Сяопином в 1978 г., когда он в качестве заместителя премьера Госсовета КНР с официальным визитом посетил Японию. Тогда он, стремясь показать «новое лицо» Китая, в первые дни визита посетил буддийский храм Тодай-дзи в городе Нара, где выразил глубокое уважение статуе Будды. В последующие дни своего визита он также навестил могилу известного китайского буддийского монаха времен Танской династии (636—907 гг. н.э.) Цзянь Чжэня, 10 лет проповедовавшего буддизм в Японии и внесшего существенный вклад в укрепление культурных связей Китая и Японии [Кузнецов 2006b]. Далее подобное уважение буддийским святыням выказывали и другие руководители КНР. В 1985 г. председатель КНР Ли Сяньянь (1983—1988 гг.), побывав с официальным визитом в Бирме, посетил буддийский храм Шведагон, демонстрируя тем самым близость народов Китая и Бирмы на почве буддизма [Ли, Ван 1997]. В 2001 г. Цзян Цзэминь, занимая пост председателя КНР (1993—2003 гг.), посещает Мьянму для налаживания и стабилизации двусторонних отношений. Он со своей супругой также посетил Шведагон, при этом в знак уважения буддийской святыне Цзян Цзэминь снял обувь и обошел все здание кругом⁴. Данную традицию продолжил Ху Цзиньтао, который также в 2008 г. во время своего официального визита в Японию посетил буддийские храмы Хорю-дзи и Тодай-дзи в префектуре Нара. Также во время этого визита он подарил ко-

³ Тансэн 'цюйцзинди' 800 няньхоу фукэ, Синцзин Бао, 14 сентября 2014. Режим доступа: http://epaper.bjnews.com.cn/html/2014-09/14/content_535579.htm?div=1. Дата доступа: 28.01.2017.

⁴ Цзян Цзэминь чжуси цаньгуань янгуан дацзиньсы, Жэньминь Ван, 13 декабря 2001. Режим доступа: <http://www.people.com.cn/GB/shizheng/252/7057/7058/20011213/626537.html>. Дата обращения: 17.02.2017.

пию корабля, на котором буддийский проповедник Цзянь Чжэнь прибыл в Японию⁵. На высшем уровне руководства КНР осуществляется политика дополнения официальных визитов духовными мероприятиями, тем самым подчеркивая, что сегодня в Китае есть место религиозной жизни и свободе вероисповедания, об ограничении которой заявляют критики современной политики китайского руководства.

***

Таким образом, на данный момент во внешней политике Китая буддийская дипломатия занимает значимое место, прежде всего, как тот вид публичной дипломатии, благодаря которому расширяется взаимодействие со многими народами из разных стран. Культурный потенциал КНР невероятно велик, но использование буддизма в качестве ресурса для несилового влияния в мире более выгодно и долгосрочно. Кроме того, следует отметить тот факт, что буддийская дипломатия помогает китайским чиновникам обходить конфликтные вопросы при помощи тесных связей буддийских общин, как было неоднократно продемонстрировано в случаях с Индией, Мьянмой, Непалом и др. Буддизм в арсенале китайских дипломатов служит в качестве платформы, в рамках которой политические отношения устанавливаются и скрепляются через отношения общественно-культурные. В XXI в. Китай стремится стать мировым и региональным лидером по всем позициям и укрепить свой имидж гармонично развивающегося государства с четко определенными государственными интересами, в чем буддизм с его мирным посылом служит как нельзя кстати.

Благодарность: Статья подготовлена в рамках инициативного НИР РУДН 2016 г. «Незападные теории международных отношений. Азиатские, африканские и латиноамериканские концепции мироустройства».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Горбунова С.А.* Китай: религия и власть. История китайского буддизма в контексте общества и государства. М.: Форум; 2008.
- Духовная культура Китая: Энциклопедия: В 5 т.* / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М.: Восточная литература; 2006. Т. 2: Мифология. Религия. 2007.
- Китинов Б.У.* Буддийская культура: от возможностей «мягкой силы» до потенциала Лумбини // *Азия и Африка сегодня*. 2015. № 7. С. 53—57.
- Кузнецов В.С.* Буддизм с «коммунистическим» лицом // *Азия и Африка сегодня*. 2006а. № 4. С. 25—29.
- Кузнецов В.С.* Буддийский фактор во внешней политике КНР. М.: ИДВ РАН; 2006б.
- Малявин В.В.* Китайская цивилизация. М.: Издательство Астрель, Издательство АСТ, Издательско-продюсерский центр «Дизайн. Информация. Картография»; 2000.
- Методические рекомендации к написанию курсовых, выпускных квалификационных работ бакалавров и магистерских диссертаций по направлениям подготовки «Международные отношения» и «Зарубежное регионоведение» / Под ред. Д.А. Дегтерева, В.Г. Джангирияна, Е.Ф. Черненко. М.: Издательство РУДН; 2015.

⁵ Ху Цзиньтао цзай Жиэнь гуаньси дицуй цаньгуань фанвэнь, Синьхуа Ван, 10 мая 2008. Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/newscenter/2008-05/10/content_8140509.htm (дата обращения: 17.02.2017).

- Янгутов Л.Е. Духовные истоки политической стратегии «мягкой силы» Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 4. 2016. С. 159—167.
- Кэ Иньбинь. Фоцзяо гоцзи цзяолю юй гунгун вайцзяо — Фан цюаньго чжэнсе чанвэй, чжунго фоцзяо сехуэй фухуэйчжан Сюэчэн фаши [Международное общество буддизма и публичной дипломатии — интервью мастера Ши Сюэчэн, члена Постоянного комитета НПКСК (Народный политический консультативный совет Китая), заместителя руководителя Буддийской ассоциации Китая] // Гунгун вайцзяо цзикань. 2014. № 8. С. 78—84.
- Ли Цзинь, Ван Юн. Фусан ледао дэ «Дэн Сяопин сюаньфэн» — 1978 нянь Дэн Сяопин фанжи цзиши [Запись визита Дэн Сяопина в Японию 1978 г.] // Данши вэньюань. 1997. № 2. С. 17—20.
- Хуан Юньцзин. Чжунго дуй дуннанья дэ фоцзяо цзяолю [Буддийское взаимодействие Китая с Южно-Восточной Азией] // Гунгун вайцзяо цзикань. 2011. № 8. С. 21—27.
- Kitinov B.U. India, China and Russia: Civilizational Links over Political Processes // Himalayan and Central Asian Studies. 2013. Vol. 17. N 3—4. P. 133—149.
- Nye J.Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs; 2004.
- Sen T. Buddhism Across Asia: Networks of Material, Intellectual and Cultural Exchange. Singapore: ISEAS and Delhi: Manohar; 2014.
- Sen T. The Spread of Buddhism to China: A Re-Examination of the Buddhist Interactions between Ancient India and China // China Report. 2012. Vol. 48. N 11.
- Zhang Juan. Buddhist Diplomacy: History and Status Quo. Los Angeles: Figueroa Press; 2012.

Дата поступления статьи: 15.02.2017

Для цитирования: Понька Т.И., Джанаева А.Э., Чжао Цзелинь. Буддизм как ресурс «мягкой силы» Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 290—300.

Сведения об авторах: Понька Татьяна Ивановна — канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: ponka_ti@rudn.university).

Джанаева Алти Эрдниевна — магистрант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: djanaeva.altn@ya.ru).

Чжао Цзелинь — магистрант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: zhaojielin@163.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-290-300

BUDDHISM AS A RESOURCE OF “SOFT POWER” OF CHINA

T.I. Ponka, A.E. Dzhanaeva, Jielin Zhao

People's Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Abstract. Now the concept of “soft power” introduced by the American political scientist Joseph Nye Jr., is of particular interest in the theory of international relations. Among the Asian countries special attention paid to China, which currently has not only extensive economic and political resources, but also sources of non-power influence. In the article, the authors explore a concept as “Buddhist diplomacy” and its role in China's foreign policy activities. It also examined the historical formation of Buddhism and its development as a resource of “soft power” by way of the one of state Chinese religions that is

part of the syncretic complex, along with Confucianism and Taoism, in different periods of Chinese civilization, from the pre-imperial period to the modern framework. In this study were examined the views of Russian and foreign experts on the directions and spheres of the definition of the “Buddhism diplomacy” and the peculiarities of its implementation by the Chinese government.

This research based on the using on using the historical approach and general scientific methods, such as analysis, synthesis, deduction, etc. In the article, the authors revealed the current state of religion on the example of Buddhism in China's foreign policy strategy both on the world stage and at the regional level and main aspects within which Chinese Buddhist diplomacy is developing.

Key words: Buddhism, China, China's foreign policy, Buddhist diplomacy

Acknowledgments: The article was prepared in the framework of the initiative R&D “Non-Western theories of international relations. Asian, African and Latin American concepts of the world order” of the RUDN University in 2016.

REFERENCES

- Gorbunova, S. A. (2008). *Religion and Power. The history of Chinese Buddhism in the context of society and the state*. Moscow: Forum. (In Russ.).
- Jangutov, L. E. (2016). The spiritual origins of the political strategy of China's soft power. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 4, 159—167. (In Russ.).
- Ke, Yinbin. (2011). Fotszyao gotszi tszyaolyu yui gungun vaitszyao — Fan tsyuan'go chzhense chanvei, chzhungo fotszyao sekhuvei fukhueichzhan Syuechen fashi. *Gungun vaitszyao tszikan'*, (8), 78—84. (In Chinese).
- Kitinov, B. U. (2015). Buddhist culture: from the possibilities of soft power to the potential of Lumbini. *Aziya i Afrika segodnya*, (7), 53—57. (In Russ.).
- Kitinov, B. U. (2013). India, China and Russia: Civilizational Links over Political Processes. *Himalayan and Central Asian Studies*, 17 (3—4), 133—149.
- Kuan Yunjing (2011). Chzhungo dui dunnan'ya de fotszyao tszyaolyu. *Gungun vaitszyao tszikan'*, (8), 21—27. (In Chinese).
- Kuznetsov, V. S. (2006a). Buddhism with a “communist” face. *Aziya i Afrika segodnya*, (4), 25—29. (In Russ.).
- Kuznetsov, V. S. (2006b). *Buddhist factor in China's foreign policy*. Moscow: Institut Dal'nego Vostoka RAN. (In Russ.).
- Li, Jin, Wang, Yun. (1997). Fusan ledao de “Den Syaopin syuan'fen” — 1978 nyan' Den Syaopin fanzhi tszishi. *Danshi ven'yuan'*, 2, 17—20. (In Chinese).
- Malyavin, V. V. (2000.) *Chinese civilization*. Moscow: “Izdatel'stvo Aprel’”, OOO “Izdatel'stvo AST”, Izdatel'sko-prodyuserskii tsentr “Dizain. Informatsiya. Kartografiya”. (In Russ.).
- Methodical recommendations for writing final qualifying works of bachelors and master's dissertations in the areas of training “International Relations” and “Regional Studies”*. Ed. by D. A. Degterev, V. G. Zhangiryan, E. F. Chernenko. Moscow: Publishing house of RUDN; 2015.
- Nye, J. Jr. (2004). *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs.
- Sen, T. (2014). *Buddhism Across Asia: Networks of Material, Intellectual and Cultural Exchange*. Singapore: ISEAS and Delhi: Manohar.
- Sen, T. (2012). The Spread of Buddhism to China: A Re-Examination of the Buddhist Interactions between Ancient India and China. *China Report*, 48 (11).
- Spiritual culture of China: encyclopedia: in 5 Vol. Ed. by M. L. Titarenko. Moscow: Vostochnaja literature. (In Russ.).
- Zhang, J. (2012). *Buddhist Diplomacy: History and Status Quo*. Los Angeles: Figueroa Press.

Received: 15.01.2017

For citations: Ponka, T.I., Dzhanaeva, A.E., Zhao Jielin. (2017). Buddhism as a resource of “soft power” of China. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (2), 290—300.

About the authors: *Pon'ka Tatyana Ivanovna* — PhD in History, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations of the RUDN University (e-mail: ponka_ti@rudn.university).

Dzhanaeva Altn Erdnievna — graduate student of the Department of Theory and History of International Relations of the RUDN University (e-mail: djanaeva.altn@ya.ru).

Zhao Jielin — graduate student of the Department of Theory and History of International Relations of the RUDN University (e-mail: zhaojielin@163.com).

© Понька Т.И., Джанаева А.Э., Чжао Цзелинь, 2017